

Сергей Лукьяненко

Кредо

«АСТ»

2004

Лукьяненко С. В.

Кредо / С. В. Лукьяненко — «АСТ», 2004

© Лукьяненко С. В., 2004

© АСТ, 2004

Содержание

Кредо	5
1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Кредо

Повесть «Кредо» имеет странную судьбу. Не секрет, что порой идеи для романа писатели дарят друг другу (тут можно вспомнить и «Ревизора», и «Двенадцать стульев»). Не секрет и то, что порой идею подсказывают друзья – которые сами, увы, не могут реализовать интересный сюжет. К примеру, несколько раз в рассказах я пользовался идеями моего друга, переводчика Павла Вязникова (он пишет и сам но, увы, крайне редко. А жаль!) Идею «Кредо» мне подарил мой друг, литературный критик и сотрудник журнала фантастики «Если» Дмитрий Байкалов. Идея была проста – «мир, в котором доказана реинкарнация души». Идея была мирообразующей – самое важное для повести или романа. Я немедленно сел писать роман. Мне, как материалисту, захотелось дать научное обоснование происходящему. Я придумал наукообразное объяснение происходящему, вписал (с твердой целью поменять в дальнейшем) физика Теслу как изобретателя устройства, описанного в романе, и занялся, собственно говоря, детективной интригой. Лишь через несколько дней я решил подробнее изучить биографию великого физика. Каково же было мое удивления, когда через несколько часов я понял – именно Тесла и никто другой мог работать в этом направлении (и, даже, можно сказать – работал!). Все, что я придумывал изначально ложилось на неизвестные мне раньше исторические факты с поразительной точностью. Настолько, что я решил временно отложить роман, а для начала написать повесть. Рано или поздно «Кредо» вырастет в настоящий роман, но пока я с чистой совестью называю это произведение повестью.

Есть и второе удивительное совпадение. Несколько лет назад критик и журналист Андрей Чертков, автор концепции сборников «Время учеников» и многих других интереснейших проектов, придумал точно такую же мирообразующую идею – мир с доказанной реинкарнацией! И тоже подарил эту идею – писателю Александру Житинскому! И вскоре после выхода «Кредо» на эту же идею была написана и повесть Житинского – совершенно другая, конечно же.

Я абсолютно убежден (и Дмитрий с Андреем в этом уверены), что один и тот же ход был придуман независимо. Наверное, это значит, что для этой идеи пришло время.

И все-таки мне, писателю-фантасту, а значит – скептику, немного не по себе от таких совпадений.

1

На Измайловском снова была пробка. Мегаполис жил по законам моря: с утра – прилив, к центру с окраин, к вечеру – неизбежный отлив. Обычно Артём выезжал из дома попозже, стараясь не попасть в утренний поток, но сегодня клиенты ждали его к девяти.

На набережной машина почти встала. За полчаса Артём едва ли проехал километр, и когда удалось наконец свернуть во дворы и доехать до офиса кружным путем, распугивая старушек на скамейках и мамаш с колясками, он уже безнадежно опаздывал.

К себе, на третий этаж офисного здания, он вбежал пешком, не дожидаясь лифта. Без двадцати десять. Сам Артём не стал бы ждать такого необязательного детектива. Заглянул бы в одну из соседних дверей, тут каждый второй – сыщик.

Но клиенты ждали, не ушли. Высокая худая женщина не первой молодости, мелкий и тоже худой мужчина и мальчик лет десяти. Как часто бывает в таких случаях, пацан был толстый, ничем на родителей не похожий.

– Извините, попал в пробку, – отпирая дверь в кабинет, сказал Артём. – Ей-богу, мне очень неудобно...

– Ничего, ничего, – фальшиво сказала женщина. – Эти пробки повсюду. Мы специально выехали на час раньше, чтобы не опоздать.

Артём сморщился, но ничего не сказал. В конце концов, он был виноват сам.

– Прошу, проходите...

Обосновавшись в кресле, он почувствовал себя увереннее. Все было неправильно – частный детектив должен встречать клиентов сидя в кресле, перед заваленным бумагами столом. Деловитая секретарша должна подавать кофе, а хозяин кабинета молча выслушивать лепет клиентов, иронически улыбаясь и катая во рту незажженную (из вежливости) трубку.

– Секретарша в отпуске, послезавтра выходит, – оправдываясь и презирая себя за это, сказал Артём. – Может быть, кофе?

– Было бы хорошо, – сказала женщина. – А Ванечке – колы.

– У меня нет колы, – признался Артём.

Вид у женщины был такой, будто Артём заявил, что не имеет лицензии.

– Тогда хотя бы воды.

Пришлось вставать, бегать за водой (как назло – фляга в колонке оказалась пустой), кипятить воду в чайнике... Хорошо хоть в холодильнике осталась бутылка минералки – мамаша бдительно наблюдала, какой водой собираются напоить ее толстого сына.

К тому моменту, когда взрослые получили свой кофе, а ребенок – воду, к которой даже не притронулся, Артём ощущал себя не детективом, а кем-то средним между официантом и домработницей. Хуже всего, что и женщина теперь смотрела на него как на прислугу.

– Итак? – спросил Артём, отпив глоток кофе.

– Нам вас рекомендовали, – с огромным сомнением сказала женщина.

Артём пожал плечами с видом человека, которого рекомендуют все и всем. Как ни смешно, но это было почти правдой.

– Говорят, вы работали в МУРе... в «убойном» отделе, – последние слова женщина произнесла с отвращением. – И вообще, очень опытный детектив.

– «Убойный» отдел – это жаргон, – сказал Артём. – Отдел по расследованию особо тяжких преступлений. Да, работал. Но сейчас я специализируюсь на делах, связанных с наследованием...

– Это замечательно, – оборвала его женщина. – У нас именно такое дело. Сущий пустяк, но хотелось бы получить... консультацию.

Артём едва не сказал, что консультация сама по себе стоит немалых денег. Но после опоздания и постыдной суеты с кофе это было невозможно.

– Я вас слушаю.

– Коля, – женщина строго посмотрела на мужа. Тот часто заморгал и начал говорить, безуспешно пытаясь попасть в тон супруге:

– Ванечке на днях исполнилось девять. Мы посоветовались и решили, что стоило бы узнать, кем он был в прошлой жизни. Это поможет в выборе профессии и вообще крайне полезно в воспитательных целях...

– Я понимаю все плюсы и минусы такого решения, – сказал Артём.

А про себя подумал: «И как вы еще до девяти лет дотерпели... Не о пацане вы думали. О деньгах».

Мужчина на миг сбился. Продолжил:

– Мы – люди православные, все сделали, как положено. Поговорили с батюшкой, заказали молебен...

– Коля, – сказала женщина с презрением. – Не расплывайся. Господину детективу вряд ли интересны детали.

– Два нотариуса, все честь по... – мужчина запнулся.

– Дайте мне протокол, – попросил Артём. Взял из рук мужчины листы голубоватой бумаги. Водяные знаки, печати... Подписи нотариусов, подпись государственного инспектора, подпись детского психолога, подписи двух свидетелей, подпись священника... Проверка проводилась в Таганском районном ЗАГСе... Печати. Штамп регистрации в государственной Палате по Реинкарнациям. Все, как положено. Так... время... в здравом уме, твердой памяти... ля-ля-ля...

«После стандартной инъекции успокоительного (реланиум в возрастной дозировке 0,5 мл) Иван Николаевич Туванский, девяти лет, в присутствии родителей и вышеперечисленных лиц был подвергнут облучению в Звезде Теслы, интенсивностью 75 Ватт, частотой базового поля от 1 до 15 Герц. При частоте поля 3 Герца (реакция в пределах стандартного допуска) мальчик вошел в транс, и был включен высокочастотный контур. Вслед за этим был достигнут устойчивый словесный контакт с его предыдущей инкарнацией, продолжавшийся семь с половиной минут».

Далее шел подтвержденный подписями свидетелей протокол. Артём покосился на мальчика, представил, как тот лежит на кушетке, на голову его надета Звезда Теслы, глаза открыты и слепо смотрят, а губы шевелятся... и говорят чужим, взрослым голосом.

Протокол был написан на манер пьесы – в начале строки имя говорившего, потом его реплика или действия. Жесткой формы протокола, как ни странно, не существовало.

«Диакон Антон Митяев. „Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа! Ответствуй мне, душа ли ты человеческая или исчадие бесово?“

Иван Николаевич Туванский. «Не грузи, поп. Душа. Что там требуется?»

Диакон Антон Митяев читает молитву. Брызгает на чело мальчика святой водой и прикладывает к устам крест. Мальчик целует крест. Корчей и криков не наблюдается. Диакон Антон Митяев признает, что устами Ивана Николаевича Туванского говорит его прошлая инкарнация, и уступает место государственному инспектору.

Государственный инспектор Регина Ильинична Ветрова. «От имени Российской Федерации я готова зафиксировать ваше волеизъявление».

Иван Николаевич Туванский. «Русские? Угораздило... Я хоть мужик?»

Государственный инспектор Регина Ильинична Ветрова. «Вы мужского пола».

Иван Николаевич Туванский. «Какие отношения у русских с Америкой?»

Государственный инспектор Регина Ильинична Ветрова. «Нормальные. Дружеские».

Иван Николаевич Туванский. «Это значит, мы вас победили?»

Государственный инспектор Регина Ильинична Ветрова. «Я же говорю – у нас дружеские отношения! Вы будете отвечать на вопросы?»

Иван Николаевич Туванский. «Буду».

Государственный инспектор Регина Ильинична Ветрова. «Расскажите, кто вы. Назовите ваше полное имя, время и место рождения, время, место и обстоятельства смерти».

Иван Николаевич Туванский. «Кевин Лемаут. Родился шестого октября одна тысяча восемьсот семьдесят третьего года в Нью-Йорке. Умер двенадцатого ноября одна тысяча девятьсот шестьдесят первого года в Нью-Йорке. Сердце остановилось. Гадкое ощущение, скажу вам...»

Государственный инспектор Регина Ильинична Ветрова. «Мы догадываемся. Примите наши искренние соболезнования. Остались ли у вас незавершенные дела? Не желаете ли вы что-либо передать родным и близким, правоохранительным и государственным органам?»

Иван Николаевич Туванский. «Хе-хе... А много лет прошло?»

Государственный инспектор Регина Ильинична Ветрова. «Более сорока лет».

Иван Николаевич Туванский. «Жаль. Сынок, видать, уже помер... Передайте налоговой службе США, что я их имел, как хотел».

Государственный инспектор Регина Ильинична Ветрова. «Больше ничего?»

Иван Николаевич Туванский. «Хватит и этого».

Государственный инспектор Регина Ильинична Ветрова. «Вы хотите что-нибудь сообщить своей новой инкарнации?»

Иван Николаевич Туванский. «Пацан, говорите? Ну, скажите, пусть с бабами будет построже. Эти стервы все соки выпьют, им только деньги твои нужны, а отвернешься – на сторону смотрят. Никогда мне с бабами не везло!»

Государственный инспектор Регина Ильинична Ветрова. «В каких сферах деятельности вы преуспевали, а какие были не слишком успешны?»

Иван Николаевич Туванский. «Бакалеей я торговал, оптом. Ничего, нормально. Вот когда свой магазин открыл – начались сплошные убытки».

Государственный инспектор Регина Ильинична Ветрова. «Это все?»

Иван Николаевич Туванский. «Русский, говорите... А с коммунизмом вы уже завязали?»

Государственный инспектор Регина Ильинична Ветрова. «В России сейчас демократическое общество. Капитализм, если вам угодно».

Иван Николаевич Туванский. «Ага... Я человек не бедный. Когда умирал, „стоил“ больше миллиона. За неделю до смерти переписал завещание. Детям оставил половину, пусть подавятся, дармоеды. А половину завещал своей будущей инкарнации. Так что мальцу счастье подвалило. За сорок лет процентов должно накрутить изрядно...»

Государственный инспектор Регина Ильинична Ветрова. «Благодарю вас от имени вашей инкарнации. К сожалению, как вы понимаете, прямое общение между вами невозможно».

Иван Николаевич Туванский смеется.

Государственный инспектор Регина Ильинична Ветрова. «Вы хотите еще что-нибудь сказать?»

Иван Николаевич Туванский. «Хватит уж. Не мучай... Эй, скажите, а не придумали еще такого, чтобы мне в этой вот инкарнации в жизнь вернуться?»

Государственный инспектор выключает Звезду Теслы и Иван Николаевич Туванский погружается в нормальный сон».

Артём вздохнул и отложил протокол. Все, как обычно. Редко какая беседа не завершалась вопросом души о возможности новой жизни. Настоящей жизни, а не того странного состояния, в которое погружены деинкарнированные.

– Что ж... поздравляю вас, – он посмотрел на мальчика, потом на женщину. – Как я понимаю, вам требуется обратиться с этим протоколом в адвокатское бюро. Я могу порекомендовать...

– Мы уже были у адвоката, – резко сказала женщина. – Дело в том, что завешание господина Лемаута не сохранилось. Все деньги получили его дети. Сейчас дело ведет его внук, фирма до сих пор существует.

Артём развел руками:

– Боюсь, что это уже не в моей компетенции. Если господин Лемаут не озаботился поместить завешание в безопасное место...

– Но оно же было! Было! – женщина повысила голос. – Он сам сказал! Деинкарнированные не лгут!

– Не лгут, – согласился Артём. – Но солгать могут свидетели разговора. Будь вы американскими гражданами... ну хотя бы английскими... К сожалению, были прецеденты, когда в России фальсифицировали протоколы. Дело Васильева против Рокфеллера...

– Я знаю, – женщина собралась. Сидела напряженная и мрачная, что-то обдумывала. Потом сказала: – Вы могли бы собрать какие-то улики? Доказать, что завешание существовало?

– Написанное сорок лет назад? – Артём даже опешил. – Поверьте, только в дурных голливудских фильмах преступники хранят улики. Сгорело давным-давно ваше завешание в камине. Нет, единственный путь – подключить хорошее адвокатское бюро... конечно, получить деньги полностью вряд ли удастся, но наследники Лемаута могут пойти на компромисс. Скажем – сто, сто пятьдесят тысяч...

– Полмиллиона! – взвизгнула женщина. – И не нынешних долларов, а тех, что в шестьдесят первом были!

– Частный детектив вам ничем не поможет, – Артём развел руками. – Ни российский, ни американский. Только адвокат... но учтите, что придется вызывать прежнюю инкарнацию снова и снова. А облучение в Звезде Теслы с каждым разом все более и более... – он замолчал.

Мужчина посмотрел на сына с испугом.

Женщина поджала губы. С нажимом произнесла:

– Это его деньги. Его. На достойное обучение, на открытие собственного бизнеса! Если понадобится, он пройдет Звезду еще десять раз!

– Еще никто не оставался в здравом рассудке после двенадцати облучений, – тихо сказал Артём. – Мне нужно объяснять вам прописные истины? Первый сеанс – риск развития шизофрении один на миллион. Второй – один на двести тысяч. Третий – один на пятьдесят тысяч. Четвертый – один на тысячу. Пятый – один на триста тридцать. Шестой...

– Не смейте пугать ребенка! – неожиданно выкрикнул мужчина. – Ванечка, не слушай его!

Ванечка и не слушал – таранился на аквариум с рыбками. Напуганным он ничуть не выглядел.

– Это ваше дело, – сухо повторил Артём. – Но я бы не советовал.

– А вашего совета никто не спрашивает! – несколько непоследовательно заявила женщина. – Детектив... ха! Ваня, мы уходим!

Мальчик встал и послушно пошел за матерью. Отец на миг задержался в дверях, тоскливо посмотрел на Артёма. Артём покачал головой. Отец мальчика вздохнул и беспомощно развел руками.

Несостоявшиеся клиенты вышли.

– Твою мать... – сказал Артём, имея в виду вполне конкретную мать. Инкарнациям господина Лемаута и впрямь не везло с женщинами. Даже с матерью в очередной раз как-то криво вышло. Ради ничтожного шанса отсудить у американцев деньги она готова довести сына до сумасшествия.

Шестое включение Звезды Теслы – сходит с ума каждый сотый. Седьмое – каждый пятнадцатый. Восьмое – каждый четвертый. Девятое – каждый третий. Десятое – каждый второй. Одиннадцатое – все! Существует не более десятка доказанных исключений.

Но двенадцатого включения и впрямь не выносит никто.

Опыт, к сожалению, накоплен немалый. Институты инкарнационной истории платят безумные деньги тем счастливицам (или все-таки неудачникам?), которые в прошлый раз жили давным-давно, да еще и в «интересное время». В прошлой жизни тебя убили при Ватерлоо? Десять тысяч долларов за десять минут под Звездой Теслы! Тебя спросят о никому, кроме историков, не нужных подробностях битвы. И предложат прийти еще раз.

Некоторые приходят. Некоторые играют в рулетку с судьбой довольно долго.

Но еще никто не выигрывал больше одиннадцати раз.

Артём допил кофе – холодный и уже невкусный, встал, подошел к окну. Чахлые деревца во дворе радовали глаз зеленой листвой – лето только наступило, не успело еще высушить и припорошить городской пылью листья.

Дождь бы... дождик. Артём всегда любил дождь. Даже маньяк по кличке Мокрец, обожавший убивать в ненастье, этой любви не отбил.

Три года уже прошло. Маньяк уgomонился, расследование мало-помалу заглохло.

Его так и не поймали. Одиннадцать убитых, все – «чистые души», живущие в первый раз. Что за странный повод для убийства? Но разве маньяку нужен настоящий повод...

Он сунул руки в карманы, достал бумажник. Последняя сотенная. Больше денег не предвидится. На счету пусто, клиентов нет.

Кстати, а ведь ему так и не заплатили. Даже за консультацию. И впрямь, зачем платить детективу, который говорит неприятные вещи? Лучше найти другого, который обнадежит, получит гонорар и смотается за чужой счет в США – «искать завещание».

Артём фыркнул. Пацана жалко. Что ж, в следующей жизни повезет.

Он вышел из кабинета, запер дверь и спустился на улицу. Если пройти налево, то на углу будет хорошая кофейня. Если пройти направо, чуть подальше, то наткнешься на пивной ресторанчик.

Кофе больше не хотелось, и Артём пошел направо. На сегодня работы уже не предвиделось.

Россия – страна, для пива не приспособленная. Сколько бы раз ни пытались местные энтузиасты или зарубежные варяги сотворить достойную конкуренцию «Гиннессу» или «Будвайзеру» – кончается это ничем. В лучшем случае появляется пафосная и дорогая марка пива, которую принято пить в определенных кругах. Но, как правило, вполне достойное и интересное пиво выпускается в России не больше трех месяцев, после чего превращается в кисловатый и одновременно безвкусный алкогольный напиток. Даже великий пивовар Артур Гиннесс, которому довелось реинкарнироваться в России, не смог эту тенденцию переломить. Первое время «Русский Гиннесс» и впрямь не уступал настоящему (злые языки говорили, что Виктор Розанов, русское воплощение Гиннесса, проходил Звезду Теслы семь раз, чтобы адвокаты выпытали все секреты пивоварения). Но все равно через полгода «Русский Гиннесс» стал обычным кислым темным пивом.

Владельцы пивного ресторана «Деньги на ветер» проблемы русского пивоварения прекрасно понимали. Но импортных сортов пива не держали принципиально, решая вопрос другим методом – частой сменой сортов. Ни одно пиво не держалось в ресторане больше двух-трех месяцев. Едва качество начинало падать, как поставки прекращались, а в ресторане появлялся новый брэнд.

Помимо этой разумной политики успеху пивной способствовало и удачное расположение – рядом с несколькими институтами, через дорогу от корпусов знаменитой Бауманки.

Артём спустился в подвальный зал – лестница была широкой и покатой, гуманной к перепившим пива посетителям. С любопытством посмотрел на стойку.

Его любимого «Золотого саранского» уже не было. Зато появилось «Симбирское праздничное» – плотное, но легкое.

– Большую, – взглядом указывая на кран, сказал Артём. Поискал глазами свободное место. Нижний зал в ресторане был демократичным, никаких официантов, пиво и легкую закуску полагалось брать у стойки самому. Артёму это даже нравилось... но низкие цены и раскрепощенная атмосфера привлекали сюда множество студентов.

Совсем свободных столиков не было. Артём отыскал взглядом столик на двоих, за которым сидел костлявый молодой парень в костюме и при галстукке. Студент, обмывает сданный или проваленный зачет?

Артём вопросительно кивнул на свободное место. Парень пожал плечами и чуть-чуть пододвинул к себе кружку, давая понять, что никого не ждет.

Расплатившись и взяв свое пиво, Артём присел напротив парня. Вблизи тот оказался постарше и посерьезнее, чем полагается московскому школяру. «Студенческий» вид ему придавала какая-то общая худоба и нескладность – у большинства мужчин это проходит вместе с подростковым возрастом, у некоторых остается на всю жизнь.

Скорее всего, аспирант или м.н.с., преподающий где-нибудь рядом технические дисциплины.

– Новое? – глядя на кружку, поинтересовался парень.

– «Симбирское праздничное», – Артём не любил таких вот случайных застольных знакомств, но парень, похоже, задавал вопрос из вежливости. – «Саранского» уже нет.

– Хорошее было пиво, – парень понимающе кивнул. – Одни сорта умирают, другие появляются. Как люди.

– Да? – пробуя пиво, сказал Артём.

– Я имею в виду – будто душа из пива уходит. И в другой сорт реинко... реинкарнирует.

Теперь Артём понял, что парень изрядно пьян. Тихо, интеллигентно, без всякой водки. Так надраться пивом – целое искусство... или, напротив, полнейшее неумение пить. И то, и другое – не лучшим образом характеризует человека.

И все же раздражения парень не вызывал. Скорее, любопытство. Может быть, играло свою роль приятное, располагающее выражение лица, может быть, та старательность, с которой парень боролся с опьянением.

– Где преподаете? – Артём решил сыграть ва-банк. – В Бауманке?

– В Бауманке, – парень фыркнул. – У меня на лбу написано – препод?

– Здесь бывает много студентов, но вы, пожалуй, старше и серьезнее. И сидите один, а студенты чаще приходят компаниями. Вид у вас... ну, как у завсегдатая. Костюм, галстук – одежда либо чиновника, либо преподавателя. Чиновник вряд ли станет с утра напиваться пивом, а вот преподаватель уже мог отчитать утреннюю лекцию. Бауманка здесь рядом, самый большой институт.

– Ничего себе дедукция... – тщательно выговаривая слова, произнес парень.

– Я частный детектив, – теперь Артём удивился собственным словам. Ладно бы, молодых девиц охмурять, а перед парнем-то чего рисоваться?

– Ого, – с любопытством сказал парень. – Круто. Это всякие неверные жены и блудливые мужья?

Сущность профессии он обрисовал совершенно верно. И это Артёма задело.

– Не только. Я занимаюсь сыском в интересах реинкарнированных.

– Клады, наследства... – кивнул парень. Отставил кружку. Появилось ощущение, что он трезвеет на глазах. – Слушайте... меня вам Бог послал... нет, вас мне... Подождите, а? Не уходите!

Он быстро, хотя и несколько нетвердо отправился в сторону двери с мужским силуэтом. Артём отхлебнул еще пива. Пиво и впрямь хорошее.

Это что получается – он уже докатился до поиска клиентов в пивных?

Достойная точка в неудачной карьере.

Будь пиво чуть-чуть похуже, Артём оставил бы кружку и поднялся в верхний зал. Или вообще ушел из ресторана.

Но пиво было вкусным...

Парень вернулся через пять минут. С мокрыми волосами и покрасневшими глазами, будто не просто холодной водой умылся, но и подержал голову под краном. Убедившись, что Артём никуда не ушел, взял у стойки двойной эспрессо и вернулся к столику.

– Иван Петренко, – руки он подавать не стал. – Извините, я... немного пересидел. С открытия тут...

– Артём Камалов, – кивнул Артём.

– Вы действительно частный детектив?

– Показать лицензию?

Иван нервно засмеялся.

– Извините... неожиданно так. Я сидел и думал, что мне нужно найти частного детектива.

И тут подходите вы, с этими шерлок-холмсовскими штучками...

– Честное слово, не знал, что вы нуждаетесь в детективе, – серьезно сказал Артём.

Парень провел ладонью по лицу, взялся за подбородок. Подумал несколько секунд. Покачал головой.

– Верю. До мании преследования я еще не докатился. Мне действительно нужна ваша помощь... Нет, вы пейте пиво, пожалуйста, я не собираюсь никуда вас тащить, я вам просто расскажу свою ситуацию, а вы решайте, интересно вам или нет...

– Стоп! – Артём поднял руку. – Подождите минутку. Сейчас я не на работе. И все, что вы мне расскажете, вы мне расскажете как частному лицу. Понимаете? Я не буду связан никакими обязательствами. Вас это устраивает?

Петренко заколебался.

– Вы когда-нибудь имели дело с частным детективом? – уточнил Артём.

Парень покачал головой.

– Ситуация простая. Я обязан хранить вашу информацию втайне, если вы меня наняли. Разумеется, кроме случаев явного нарушения закона. Тогда вам стоит...

– Нет-нет, ничего подобного! – бурно запротестовал Петренко.

– Хорошо. Тогда поступим так. Вы даете мне в задаток один рубль и становитесь моим клиентом. Я выслушиваю ваш рассказ, и мы либо заключаем письменный контракт, либо я отказываюсь от дальнейшей работы. В любом случае на сторону информация не уйдет.

Петренко усмехнулся. Он и впрямь очень быстро трезвел.

– Спасибо за консультацию. Давайте я вам поставлю кружку пива? Как раз рубль стоит.

Артём кивнул.

Достойное продолжение утрешнего конфуза. Получить за консультацию кружку пива. А сплясать за рюмку водки не слабо, господин бывший следователь по особо важным делам?

Но идти в офис не хотелось: клиент из парня никакой, дело явно выведенного яйца не стоит. В то же время требовать с молодого преподавателя нормальную сумму за пустяковую консультацию – стыдно.

Лучше уж выслушать парня за кружкой пива. Какова проблема, таков и гонорар.

Вернулся Петренко – с кружкой пива и тарелочкой с фисташками. Сел напротив. Артём заметил, что его секундная решимость уже куда-то улетучилась – вполне обычное дело.

– Теперь вы мой клиент, – серьезно сказал Артём. – Я вас слушаю.

Петренко кивнул и неуверенно произнес:

– Я вот подумал... если вы решите взяться за мое дело: я всего два года как преподаю, капиталов не нажил. Вряд ли смогу предложить вам достойную оплату.

– Расскажите вначале, в чем ваша проблема, – предложил Артём. – Возможно, хватит одной кружки пива и одного совета.

– Нет, так легко я не отделаюсь... – Петренко неловко улынулся. – Хорошо. Это связано с предыдущей инкарнацией...

– Давайте, я догадаюсь? – предложил Артём. – Вы повели своего ребенка на проверку...

Петренко удивленно посмотрел на него:

– Ребенка? Нет, что вы! У нас пока нет детей, мы собираемся, но... Дело в моей предыдущей инкарнации.

Артём сконфуженно замолчал. Надо было подумать, прежде чем говорить: парню двадцать четыре, может, двадцать пять, не больше. Звезду Теслы не рекомендуется проходить раньше девяти лет. Когда бы он успел завести и вырастить ребенка?

Впрочем, Иван не стал заострять внимание на его оплошности.

– Я не проходил обследование в детстве. Родители предлагали, я отказался...

– Почему? – любопытствовал Артём. – Ваше вероисповедание?

– Нет. Я атеист... извините. Вы же понимаете, реинкарнация никоим образом не доказывает существование Бога.

– Тогда почему? – теперь уже Артём заинтересовался всерьез. – Знание того, кем вы были в прошлой жизни – огромная сила. Вы можете избежать ошибок, к которым предрасположена ваша душа, не ошибиться при выборе профессии, добиться больших успехов в этой жизни. В конце концов, вас может ожидать неожиданное наследство!

– Я понимаю, – Иван кивнул. – Возможно, вам это покажется странным, но мне всегда было жалко свое предыдущее воплощение. Представьте: вы умерли, а вас вдруг на краткий миг возвращают к жизни какие-то незнакомые, чужие люди. И начинают допрашивать: кем был, что успел... Никакой возможности не ответить...

– Ну почему же, – буркнул Артём. – Отказаться от ответа и впрямь нельзя, но нередки случаи, когда деинкарнированные... э... скажем так, темнеют. Отвечают уклончиво, тянут время. Особенно, если они умерли недавно и знают все ограничения на использование Звезды.

– Да-да, – Петренко одним глотком выпил кофе. – Я понимаю. Но ничего поделать с собой не могу. Знаете, это, наверное, как с психоанализом. Кто-то легко идет на прием и рассказывает про свои сексуальные фантазии и детские обиды. А кто-то никогда на это не согласится.

Артём кивнул.

– Сейчас я работаю на кафедре низко- и высокочастотных колебаний, – продолжил Петренко. – Вы ведь понимаете, устройство Звезды Теслы – секрет Полишинеля. Опытный радиолюбитель спаяет ее за полдня из самых обычных деталей. А у нас есть макет для обучения студентов... ну, какой это макет, – если честно, вполне работоспособный генератор, только ограничитель мощности поставлен.

– Вы сами себя... – начал Артём. – Стоп! Но вы же не могли оставаться в сознании!

– Я и не оставался. Долго все обдумывал, а вчера вечером смонтировал простейшую цепь. Звезда Теслы запускалась ровно на десять минут. Одновременно включался диктофон. Вначале на воспроизведение – я кратко объяснил своему предыдущему воплощению, что происходит. Потом попросил его рассказать то, что он сочтет нужным. А потом таймер отключил бы Звезду.

Артём молча смотрел на Петренко.

– Труднее всего было сделать себе укол успокоительного, – сказал Петренко. – С детства боюсь уколов... Вы меня считаете идиотом?

– Нет, – осторожно подбирая слова, сказал Артём. – Но экстравагантным человеком – без сомнения. Я понимаю, в сталинские времена... Никому не хотелось оказаться инкарнацией

немецкого генерала и до полного сумасшествия рассказывать в НКВД давно устаревшие военные секреты. Но сейчас чего бояться?.. А если бы таймер отказал? Если бы вы впали в кому? Это случается!

Петренко жалобно улыбнулся:

– Наверное, я и впрямь немного псих.

– Ладно, все кончилось хорошо, – кивнул Артём. – Итак?..

– Я заснул. Потом очнулся. Таймер сработал прекрасно. Я даже не сразу включил диктофон. Сварил кофе, выпил анальгина – голова болела ужасно. Потом... потом прослушал запись.

Петренко внезапно замолчал. Артём терпеливо ждал.

– Вам надо это услышать самому, – сказал Петренко. – А то и вы сочтете меня психом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.